

УДК 94(470)“1917/1918”

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ИНТЕРЬЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Журавлев В.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация

Аннотация. Обращаясь к событиям столетней давности, автор стремится представить обстановку назревающей и разразившейся октябрьской драмы, «воззвав к жизни», казалось бы, давно умолкнувшие голоса её современников и участников. Они запечатлены не на магнитофонных лентах или иных средствах воспроизведения звука, а на пожелтевших от времени страницах газет, дневников и воспоминаний. В числе очевидцев тех событий, чьи оценки представлены в статье, В.Н. Муравьев (преп. Серафим Вырицкий), генерал Ф.Я. Ростовский, политические деятели В.А. Базаров (Руднев), П.Н. Милюков, Л.Д. Троцкий, писатель Максим Горький.

Ключевые слова: война, мир, революция, общественные настроения, политические процессы.

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE SOCIO-POLITICAL INTERIOR OF OCTOBER 1917

V. Zhuravlev

Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. Addressing the events which happened a hundred year ago, the author aims at describing the situation of the impending and breaking out October drama. Its contemporaries and participants' voices seem to be heard again. They are not recoded on the tapes of tape-recorders or other recording instruments, but can be seen on the yellow from time pages of newspapers, diaries and memoirs. Among the eyewitnesses to those events there is V.N. Murav'ev (Reverend Seraphim Vyritsky), general F.Ya. Rostkovsky, political figures V.A. Bazarov (Rudnev), P.N. Mil'ukov, L.D. Trotsky, the writer M. Gorky.

Key words: war, peace, revolution, public sentiment, political processes.

Период с начала октября 1917 г. и до середины января 1918 г. составляет наивысший, кульминационный этап Великой Российской революции 1917 г., плавно переходящий к весне 1918 г. в Гражданскую войну. Позади остались всенародная эйфория Февраля, триумф и кризисы Временного правительства, «мятеж» 3-5 июля, выступление генерала Л.Г. Корнилова. Параллельно с этими общественно-политическими событиями, но в неразрывной причинно-следственной связи

с ними, набирали обороты главные, судьбоносные для страны процессы, наиболее острыми и неотвратимыми из которых были экономический коллапс и достигший точки невозврата на фоне военных неудач и ухудшения социально-политического климата в стране развал армии. Как воюющей на фронтах Первой мировой, так и расквартированной в тыловых гарнизонах.

Обращаясь к этим событиям столетней давности, попытаемся представить обстановку назревающей и разразившейся октябрьской драмы, «воззвав к жизни», казалось бы, давно умолкнувшие голоса её современников и участников. Они запечатлены не на магнитофонных лентах или иных средствах воспроизведения звука, а на пожелтевших от времени страницах газет, дневников и воспоминаний. Наиболее надежным и массовым ретранслятором «живых» взглядов, широкого круга граждан страны, не «остывших» их настроений, еще «не перегоревших» суждений и оценок служили в ходе рассматриваемых нами событий российские газеты. Как, в первую очередь, столичные – петроградские и московские, так и региональные.

Взволнованный, нестройный хор «рвущихся» с газетных колонок голосов доносит до нас, прежде всего, обстановку растущего безвластия в стране, нарастание вала «коллективного бессознательного». Анархия и связанная с ней преступность становятся обыденным явлением. Газеты заполнены сообщениями о творящихся повсеместно безобразиях. Самое активное участие в них принимают солдаты тыловых гарнизонов, а также дезертиры

с фронтов Первой мировой, которых становится все больше и больше. «... Темные, веками жившие рабами, массы точно в чаду какого-то похмелья творят свою разрушительную работу и губят себя и других» – с отчаянием общается в «письме солдата» в редакцию газеты «Голос солдата». И далее: «... Солдаты громят поезда, в Харькове толпа солдат отрывает могилы с целью снять с покойника драгоценности, в Царевококшайске толпа громит продовольственную управу, в Ржеве солдаты громят винные склады и грабят лавки, в Бендерах антисемитский погром, и такая вольность катится по всей стране» [1].

Психологическое состояние традиционалистски настроенной (кстати, весьма значительной) категории населения, воспитанной на христианских ценностях и остававшейся верной им, отчетливо выразил В.Н. Муравьев (в постриге Серафим Вырицкий) в статье, опубликованной месяц спустя после событий 25 октября в издании Русской Православной церкви: «Святая Русь умерла. На месте ее воцарилась Русь нечестивая, Русь паскудная, Русь разбойная. Чудится, что не Русь это вовсе, а злое и бессмысленное наваждение. Мы ждали обновления, движения вперед, но получилось разложение, движение вспять, к давно пройденным темным и жестоким временам. Мы звали к работе во имя нового долга, нового достоинства, нового отечества, но получился прогул совести, чести, родины, напоминающий старые проклятые измены Смутного времени» [10].

Таков был персонифицированный данным текстом голос всего корпуса служителей Русской Православной

церкви, которые в массе своей в одночасье отреклись в Феврале от «помазанника божьего» и своего духовного лидера и бестрепетно встали на сторону Временного правительства, фактически благословив таким образом страну и свою паству на все, что произошло с ними впоследствии.

Итак, Октябрь уж наступил... Холодное лето 1917 г. неумолимо перетекало в неприветливую осень. Современник, свидетель и усердный бытописатель рассматриваемых нами событий отставной царский генерал от инфантерии Феликс Яковлевич Ростковский (1841–1920), возвращаясь ориентировочно 14 (27) октября в северную столицу из очередной поездки, записал в своем дневнике: «Выезжали мы из Москвы при прекрасной погоде – легкий морозец и солнечно, а Петроград встретил по обыкновению сумрачный, дождливый, серый и вдобавок темный, не говоря уже о дороговизне» [9, с. 311].

Погодные неурядицы вкупе с бытовыми, житейскими в целом тяготами, впрочем, никак не способствовали охлаждению политических страстей. Бездна в видении выхода из создавшейся ситуации лишь усиливала их конфронтационный накал. Судорожно предпринимаемые властью и частью умеренных партийно-политических сил меры по его ослаблению не давали нужного эффекта.

Выявившаяся к осени очевидность для власти и общества намерений большевиков совершить государственный переворот, «низложить» Временное правительство и легитимировать свою власть вердиктом готовившегося Второго Всероссийского съезда Советов никак не нарушила планов и практи-

ческих действий «русских якобинцев».

Одно из самых популярных и высокотиражных периодических изданий в России «Биржевые ведомости» – выходящая в северной столице два раза в день многопрофильная газета деловых кругов (биржевых, финансовых, торговых и проч.), пристально следившая за политической, общественной, литературной жизнью страны, – 23 октября опубликовала редакционную статью «Попытка большевиков захватить власть».

«Сегодня, таким образом, выступления большевиков для захвата власти начались» – так газета оценила обращение председателя Петросовета Л.Д. Троцкого к петроградскому гарнизону не признавать и не исполнять никаких распоряжений, не подписанных Военно-революционным комитетом Петроградского Совета, с одновременным назначением комиссаров в воинские части и «особо важные пункты столицы и ее окрестностей». Сегодня же придется узнать, продолжала газета, «существует ли в России Правительство, или имеется только пустующая «дача Дурново», населенная призраками, где может поселиться любой Троцкий». И хотя редакционная статья завершается на вроде бы оптимистической ноте со ссылкой на Временное правительство и его «твердую уверенность, что восстание, если возникнет, то будет немедленно же ликвидировано», авторы статьи уверены в другом: «Восстание началось и никакими силами его теперь не остановить».

Это было одно из запоздавших предостережений, идущих от «старого мира», от лица «цензовых», непролетарских элементов российского общества. Одно из последних, ибо уже 26

октября решением ВРК при Петроградском Совете газета была закрыта, как и ряд других газет, оппозиционных большевикам.

За неделю до роковой даты выступления петроградские газеты были полны сведениями и слухами на тему: выступят или не выступят большевики, а если решатся на это, то когда. Создавалось впечатление, что широкие слои общественности (представители власти, либералы, меньшевики, правые эсеры) приняли позицию сторонних наблюдателей, «зрителей из партера», будучи заинтригованы в первую очередь одним: а что из этого получится? Протесты, если они и имели место, носили в первую очередь вербальный и увещательный характер.

17 октября в газете «Новая жизнь» появилась статья члена ЦК и Центрального бюро РСДРП (интернационалистов) В.А. Базарова (Руднева) «Марксистское отношение к восстанию». Обращаясь к большевикам – противникам выступления, он *рекомендовал* им «самым решительным образом агитировать на митингах, по заводам, в прессе употребить все усилия к тому, чтобы удержать от безумного шага сбитые с толку рабочие и солдатские массы». При этом, апеллируя к теоретическим постулатам марксизма, автор статьи, судя по всему, запомнил известный марксистский тезис: «Оружие логики не заменит логики оружия».

Неизбежное случилось 25 октября. Точную, по-военному конкретную, выверенную картину событий этого дня в Петрограде воссоздал «квалифицированный» их свидетель – уже известный нам отставной генерал Ф.Я. Ростковский, черпавший свою

информацию не только из газет, которые были им тщательно проштудированы, но и из самой – живой, реальной – действительности. 26 октября он записал в своем дневнике: «Вчера был мятеж большевиков. По улицам и на мостах были красногвардейцы в виде охраны (вроде полиции) и для предупреждения разводки мостов. У Зимнего дворца настоящее сражение. Прибыл и стоит на Неве корабль «Автора». Был бомбардирован Зимний дворец, в котором выбиты окна. Защищали дворец женский батальон и юнкерские училища. Однако большевики объявили В[ременное] правительство низложенным и сами захватили вокзалы, г[осударственные] банки, почту, телеграф, телефоны и др. учреждения. Штаб округа сдался. Гарнизон почти весь на стороне большевиков. В[ременное] Правительство выпустило воззвание, но опять слова, слова, слова и слова, а силы никакой. Большевики прекрасно организовались, что и дало им победу».

Свои наблюдения Феликс Яковлевич резюмировал следующим образом: «Уверен, что долго эта власть не продержится и это указывает, что будут кровавые стычки» [9, с. 317, 318].

Генерал оказался прав лишь во втором своем утверждении. В первом же он жестоко ошибся. Как ошиблись не только антибольшевистски настроенные слои населения, но и вожди и рядовые члены практически всего широчайшего спектра оппозиционных большевизму партий и движений. Впоследствии свою уже отмеченную выше позицию сторонних наблюдателей некоторые из них были склонны возвести в ранг некоего политического замысла. «В очень умеренных

кругах, – свидетельствовал лидер конституционных демократов П.Н. Миллюков, – последний эксперимент находили даже очень желательным, чтобы «навсегда излечить Россию от большевизма». Прошло всего несколько месяцев, и П.Н. Миллюков, находясь на Дону (в Новочеркасске), где в это время уже формировалась Добровольческая армия, констатировал: «Опыт показал, что вся эта легкомысленная самоуверенность была глубоким заблуждением».

Отрекаясь от скептицизма, который породила у него в свое время «идеология большевистского переворота», изложенная в ленинской брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», Миллюков уже в начале 1918 г., размышляя с позиций не только политика, но и историка-аналитика, заключал: «Таким образом, теперь можно с большей объективностью прислушаться к тому, о чем предупреждал Ленин, взвесить то верное, что было в его предупреждениях, – и что дало большевикам доверие масс, внушило им ту смелость «дерзания», которой не хватало Керенскому, – и успехом их попытки вполне оправдало предварительные расчеты и соображения Ленина» [7, с. 579].

25 октября в большевистском издании «Рабочий и Солдат», а позднее и в других газетах было опубликовано Обращение Военно-революционного комитета Петроградского Совета «К тылу и фронту» о низложении Временного правительства и переходе власти в центре и на местах в руки Советов. Новая революционная власть, подчеркивалось в обращении, «немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учре-

дительное собрание». Воззвание это было разослано по телеграфу по всей стране, представляя собой вторую часть подготовленного при непосредственном участии Ленина обращения «Революция восторжествовала».

В тот же вечер открыл свою работу Второй Всероссийский съезд Советов. Приняв – после ухода со съезда части делегатов – Декреты «О мире» и «О земле», санкционировав создание «Временного рабоче-крестьянского правительства» – Совета народных комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным, Съезд определил дальнейшее развитие событий как в столице, так и далеко за ее пределами.

Случившееся вызвало смятение у значительной, особенно в городах, части россиян, не сочувствовавших большевикам. Что отразилось на характере и содержании материалов в ориентированных на них изданиях. Газеты же большевистской направленности, в свою очередь, включились в яростную полемику с общественно-политическими силами антибольшевистского толка.

Помимо широкого спектра партийно-политических сил, не приняла новую власть и большая часть левонастроенной творческой интеллигенции. В том числе те влиятельные круги, которые сплотились вокруг ее рупора – газеты «Новая жизнь». В ответ на критику и даже угрозы в ее адрес со стороны большевистски ангажированных элементов Максим Горький провозгласил: «Да, мы будем продолжать полемику с правительством, которое губит рабочий класс, мы считаем эту полемику нашим долгом – долгом честных граждан и независимых социалистов» [2].

«Среднестатистическому» россиянину, не включенному в круговорот политической борьбы, подчас трудно было разобраться в этом хитросплетении идейно-политических битв. А они касались практически всего круга проблем, с которыми пришлось столкнуться на новому политическому режиму.

При всей остроте и неотложности решения целого ряда «кричащих» экономических, социальных, политических проблем, центральным вопросом, ответа на который ждала вся – без исключений – Россия, оставалась *проблема войны и мира*.

Возникла и обсуждалась она давно на самых различных уровнях власти и общества. Но получила дополнительный толчок в связи с необходимостью сформировать позицию России на готовившейся Парижской конференции, задуманной с целью выработки дальнейших действий союзников по отношению к войне с Германией [См.: 3].

«Российская демократия» в лице партий эсеров и меньшевиков, намереваясь послать представителя на эту конференцию, поспешила выработать «свое мнение об условиях желательного мира». Оно было сформулировано и подробно аргументировано в статье «Карты на стол» в трех номерах газеты «Голос Солдата» за 12, 14 и 17 октября, остроем своим направленной против тех, для кого требование демократического мира было лишь «фразой, за которой укрывалось простое желание хоть как-нибудь, даже ценою предательства и унижения родины, кончить войну».

Позиция «революционной демократии» заключала в себе два внешне несовместимых тезиса. Первый: «... Непременным условием мира являет-

ся вывод немецких войск из занятых областей России». Второй: «Не будем себя обманывать, скажем прямо: такого мира Германия не желает и на такой мир она при нынешних условиях не пойдет». Негласный вывод вытекал из этого с предельной очевидностью: присоединиться к требованию Временного правительства вести войну «до победного конца». Статья завершилась громогласным, но на деле риторическим вопросом: «Мы ждем ответа от наших критиков. Все карты на стол! Скажите, надо ли продолжать борьбу или продать себя в рабство Вильгельму?». За всей этой патетикой «за кадром» оставался главный вопрос: способна ли страна в целом и ее армия в сложившихся условиях достичь столь желанного всем «победного окончания» войны?

Проблема войны и мира подверглась подробному рассмотрению и на Совете республики (Предпарламенте), не завершившись, как и в большинстве других дискуссий, каким-либо рационально выверенным решением. Значительную, если не решающую, долю вины за это Милюков возлагает на А.Ф. Керенского, который к октябрю месяцу «обнаруживал все признаки того патологического состояния души, которое можно было бы на языке медицины назвать “психической неврастенией”». А именно: «В своей вечной нерешительности и постоянных колебаниях между воздействиями справа и слева, и в поисках равнодействующей, Керенский постепенно дошел до состояния, в котором принять определенное решение стало для него истинным мучением. Он избегал инстинктивно этих мучительных минут, как только мог» [7, с. 497].

В словах этих тогдашнего главного либерала страны, конечно, много справедливого. Но, спросим мы сегодня лидера партии конституционных демократов с позиций накопленных нами с тех пор знаний об истинном положении страны к октябрю 1917 года: а что реально мог сделать глава правительства, не отрекшись от своих коренных, хотя уже и устаревших убеждений, в обстановке цугцванга, в которой оказалась страна и ее руководство? Когда любое решение приводило лишь к ухудшению положения дел в тылу и на фронте. Не будет ли преувеличением сказать, что Керенский оказался в большей степени заложником ситуации, чем ее создателем?

Декрет «О мире», оглашенный Лениным и единодушно принятый Вторым всероссийским съездом Советов 26 октября в 11-м часу вечера, не был откровением для граждан России. В целом он повторял уже выработанные и озвученные «революционной демократией» тезисы о «справедливом демократическом мире», мире без аннексий и контрибуций.

Принципиально новым в документе было то, что созданное съездом Рабочее и крестьянское правительство (которое первоначально также именовало себя Временным – вплоть до Учредительного собрания) брало на себя обязательство «начать немедленные переговоры», «без малейшей оттяжки тотчас» со всеми воюющими державами.

Провозглашая принципы и условия такого мира, большевики, конечно, понимали, что ни одна из воюющих держав – как в стане союзников, так и в лагере противника – на эти условия не пойдет. Истинная цель тако-

го обращения состояла в том, чтобы «подтолкнуть» примером России народы других воюющих держав к революционному взрыву в своих странах, вбросив им такого рода агитационную «бомбу» (сегодня это назвали бы «гибридной войной»). И этим перевести мировую империалистическую войну в войну гражданскую против правительств всех или большинства участвующих в этой кровавой бойне государств. С предельной прямоотой и категоричностью эту мысль высказал Л.Д. Троцкий, занявший пост народного комиссара по иностранным делам в ленинском Совнарком: «Всю... надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, это несомненно» [Цит. по: 8, с. 323].

Взяв в свои руки власть насильственным путем и пообещав народу немедленный мир, большевики оказались в крайне сложной, критической ситуации. Продвинувшись далеко в глубь России, немецкие войска стояли у ворот Петрограда. Оценивая обстановку на начало октября, П.Н. Милюков впоследствии писал: «В первый раз за время войны почувствовалась реальная возможность приближения неприятеля к столице, по кратчайшему пути – побережье Финского залива. В конце сентября неприятель произвел удачный десант на островах Эзеля и Даго. В первых числах октября он проник в Рижский залив и попытался отрезать выход нашей флотилии к Финскому заливу, загородив с севера пролив между о. Мооном и берегом Эстляндии. Флоту пришлось уйти, пожертвовав миноносцем «Гром» и

старым линейным кораблем «Слава». Тогда германцы произвели высадку на полуостров Вердер против острова Моона в самой Эстляндии, закрепив за собой таким образом обе стороны Моонзунда, и грозя движением к Гапсалу и к Ревелю. Большие германские цеппелины с этих пор получили возможность прогуляться до самого Петрограда» [7, с. 540].

К исходу октября – началу ноября положение стало еще более угрожающим. Немцы продолжали наступать. Распад же русской армии достиг апогея. Солдаты – в основном крестьяне в солдатских шинелях – не дожидаясь выборов в Учредительное собрание и его возможных решений, «голосовали» ногами. Поток дезертиров с фронта превращался в бурную реку. Чтобы ввести ее в какие-то берега, большевики приходят к выводу о необходимости демобилизации армии. Рассчитывая (как выяснилось впоследствии – ошибочно), что «немец» истощен и наступать на Восточном фронте более не способен. И полагаясь при этом на другой – негласный – расчет, что, когда радикально настроенная солдатская масса, вернувшись с фронта, «рассосется» среди мирного населения, это укрепит позиции новой власти.

8 ноября народный комиссар по иностранным делам Троцкий от имени Совнаркома обратился к союзным посольствам и военным властям стран Четверного союза с предложением «начатия переговоров о немедленном перемирии на всех фронтах и о демократическом мире без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Не располагая никакой реакцией на данное обращение, Совнарком 15 ноября предложил пра-

вительствам всех воюющих стран *присоединиться* к переговорам Советской России с державами германской коалиции. Отказ стран Антанты от такого рода действий подвиг большевиков на сепаратные переговоры с Германией, которые начались 19 ноября. Первым результатом их стало достигнутое 22 ноября соглашение о перемирии на 10 дней.

Так началась драматическая эпопея выхода страны из Мировой войны, завершившаяся лишь 3 марта 1918 г. подписанием в Брест-Литовске сепаратного мирного договора Советской России со странами германской коалиции. Договора, который сами большевики называли «Тильзитом», грабительским и позорным для нашей страны. Договора, где «правили бал» именно те безжалостные аннексии и контрибуции, избежать которых так хотела и надеялась вся страна. Одни только зримые условия соглашения предполагали, помимо астрономической контрибуции, потерю территорий, в которых проживала четвертая часть тогдашнего населения страны и находилась аналогичная доля обрабатываемых земель, где было сосредоточено около трех четвертей угольной и металлургической промышленности.

Не останавливаясь на этапах и деталях этого процесса, итоги которого хронологически и проблемно выходят за рамки наших задач, обратим внимание на тот небывалый шквал критики и обвинений в предательстве, который обрушился на большевиков не только со стороны всех антибольшевистских политических сил. Но который вылился в негодование со стороны широких слоев населения. Все это достаточно подробно отражено и в материалах

данного тома, как мы уже отметили это выше.

Квинтэссенцию этого мироощущения и этих настроений гнева и разочарования достаточно широких слоев населения, которых раньше было принято клеймить как обывателей, можно извлечь из дневниковых записей Ф.Я. Ростковского. Вот одна из них: «Разруха, безвластие, полный бойкот большевиков указывают, что они не долговечны, но что затем последует, бог один знает. Большевиков никто не хочет, все от них отворачиваются, работать с ними никто не хочет... Да они и сами себе надоели, надо думать». И еще: «Тяжело живется. Скучно. Тоскливо» [9, с. 336, 347].

Накал негодования и критики в адрес большевиков принял столь всеобъемлющие масштабы, что докатился до далекого сибирского города Тобольска, где в это время бывший российский император вел достаточно размеренный – с учетом, конечно, условий вынужденной ссылки – образ жизни в кругу своей семьи.

17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, Николай Александрович как бы подвел итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве.

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени».

Уже следующий день принес опальному экс-венценосцу новый удар в виде дошедшего до него сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий его на это событие можно считать уни-

кальным по своему эмоциональному накалу за многие годы ведения дневника: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны» [4, с. 340].

Уникальна эта запись и тем, что впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа».

Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у Николая шел процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой». Процесс этот, как видим, парадоксально, противоречиво, своеобразно и подчас даже уродливо захватив все без исключения категории «низов» российского общества, поднялся по иерархической лестнице социальных страт по самого верха, затронув даже мировоззрение бывшего «хозяина земли русской».

Быть может, находясь в Тобольске, а затем и в Екатеринбурге – вдалеке от столиц и мейнстрима политических процессов, он позволял себе размышления относительно собственной роли в том развитии событий, при котором новая Смута в России – в его понимании – стала реальностью. Однако никаких следов этих размышлений (а тем более покаяния) на страницах дневника, как и в иных доступных источниках, мы не находим.

Что же касается большевиков, то они, как нам уже приходилось специ-

ально говорить и писать [подробнее об этом см.: 5, с. 62–94], оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути движения страны к Гражданской войне.

За всё приходилось платить сполна. Отвергнув идеи коалиции с другими революционными партиями и создания «однородного социалистического правительства», большевики предоставили своим политическим оппонентам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брестского мира и размышлять над реальностью либо нереальностью других альтернатив решения вопроса. Взамен этого все без исключения противники большевизма обрели благоприятную для них возможность обвинить исключительно большевиков в предательстве национальных интересов страны и развале государства.

Завершая свой упомянутый выше труд, посвящённый истории второй русской революции, П.Н. Милюков пишет: «Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечёт за собой проигрыш войны и разделение России на части» [7, с. 685]. Будем объективными, в этом итоговом суждении Павел Николаевич говорит уже голосом политика, а не вдумчивого историка-аналитика, каким выступает на протяжении всей книги.

К исходу 1917 и началу 1918 г. предотвратить катастрофический для

России итог войны не смог бы уже никто. Ибо все мыслимые и немыслимые шансы на изменение ситуации в стране и в армии были исчерпаны. Большевикам в силу их неуступчивости и политического максимализма досталось в единоличное наследство лишь то, что было достигнуто совместными разнонаправленными действиями всех борющихся друг с другом социальных и политических сил страны.

Последняя, хотя и слабеющая, надежда у многих отчаявшихся и дезориентированных людей, запутавшихся в хитросплетениях политических сил, в столкновениях амбиций их лидеров, сохранялась на Учредительное собрание, подготовка к которому продолжалась и после большевистского переворота, завершившись выборами 12–14 ноября. Но и она оказалась иллюзорной.

За месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной» [6, с. 222].

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою – на том этапе решающую – лепту в погребение российской демократии.

Знаковым в этом плане стал разгон 5 января демонстрации, выражавшей солидарность с собравшимися со всех концов России на свое первое (и, как оказалось, последнее) заседание деле-

гатами нового российского «державо-строительного» парламента. Своеобразного Земского Собора второго десятилетия XX в.

Сравнив этот акт разгона мирной демонстрации с событиями «Кровавого воскресения» 1905 г., Максим Горький ровно через 13 лет – 9 января 1918 г. – с гневом обрушился в газете «Новая жизнь» на большевистскую «Правду», которая «лжет, когда пишет что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно “буржуи”, “калединцы”». В рядах демонстрантов, констатировал «пролетарский писатель», шли с красными знаменами в большинстве своем рабочие крупнейших предприятий Петрограда: «Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта».

Итак, события и явления самого бурного и переменчивого в многовековом прошлом страны 1917 г. уже столетие как стали историей, которая состоялась раз и навсегда, и в которой ничего изменить, «переиграть» уже невозможно. Даже мысленно, «виртуально», если не поддаваться соблазну мифов и иллюзий. И какие бы молнии сегодня ни металась в адрес одних активных их участников, какие бы похвалы ни расточались в адрес других, мы не способны ровным счетом что-либо «переворосить», переиначить, перекроить, а тем более перелицевать в минувшем. В том числе в плане воздействия этих событий на нашу сегодняшнюю и последующую жизнь.

Думается, что четкое осознание неотвратимости всего этого обязывает нас встать наконец-то на путь действенного национального примирения, не тянуть из прошлого в настоящее – в наших мозгах, душах и реальных делах – баррикады революций и фронты Гражданской войны. То есть сделать то, что удалось уже давно достигнуть другим странам, которые оказались в прошлом своем в сходных трагических ситуациях. Например Финляндии, также пережившей свою Гражданскую войну, завершившуюся победой «белых». И осознать до конца: те из далеких наших предков, кто руководствовался в острой, непримиримой борьбе не корыстными побуждениями, но своими выстраданными идеалами и ценностями, в равной мере заслуживают – вне зависимости от их позиций в ходе Великой российской революции 1917 года – нашего понимания и уважения.

А также научиться отличать при анализе событий той эпохи грандиозного общемирового масштаба, уместившейся в рамки лишь одного «календарного года», действительных *акторов* – активных двигателей поступательного исторического процесса, от всего лишь *актёров*, мечущихся по сцене театра политического абсурда.

Один из путей достижений всего этого – попытаться как можно ответственнее «услышать живые голоса» героев и мучеников 1917 года. В том числе – апеллируя к первоисточникам, способным воссоздать эмоциональную составляющую нашего далеко не всегда рационального прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анархия (Письмо солдата в редакцию газеты) // Голос солдата. 1917. 10 окт.
2. Горький М. Плоды демагогии // Новая жизнь. 1917. 22 дек.
3. Григорьев Раф. Парижская конференция и демократия // Новая жизнь. 1917. 3 окт.
4. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2-х т. / отв. ред. С.В. Мироненко [Т. 2. Часть 2]. М.: РОССПЭН, 2013. 784 с.
5. Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62–94.
6. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 215–228.
7. Милуков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
8. Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 432 с.
9. Ростовский Ф.Я. Дневник для записывания... (1917-й: революция глазами отставного генерала). М.: РОССПЭН, 2001. 496 с.
10. Святая Русь. 1917. 26 ноября.

SOURCES AND REFERENCES

1. Anarkhiya (Pis'mo soldata v redaktsiyu gazety) [Anarchy (A soldier's letter to the newspaper)]. *Golos soldata*, 1917, 10 Oct.
2. Gor'kii M. Plody demagogii [The fruits of demagoguery]. *Novaya zhizn'*, 1917, 22 Dec.
3. Grigor'ev Raf. Parizhskaya konferentsiya i demokratiya [The Paris conference and democracy]. *Novaya zhizn'*, 1917, 3 Oct.
4. The diaries of Emperor Nicholas II (1894): in 2 vol. [vol. 2. Part 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 784 p.
5. Zhuravlev V.V. World War I in human dimension: power and society. *Rossiya XXI*, 2014. no. 2, pp. 62–94.
6. Lenin V.I. Russkaya revolyutsiya i grazhdanskaya voina [The Russian revolution and the Civil war]. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 34 [Lenin V. I. Complete works. Vol. 34], pp. 215–228.
7. Milyukov P.N. The story of the second Russian revolution. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 767 p.
8. Political figures of Russia 1917: a Biographical dictionary. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1993. 432 p.
9. Rostkovskii F.Ya. Diary for making notes... (1917: revolution through the eyes of a retired general). Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 496 p.
10. Svyataya Rus' [Sacred Rus], 1917, 26 Nov.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: vv.zhuravlev@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University; e-mail: vv.zhuravlev@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Журавлев В.В. Проблема войны и мира в интерьере социально-политических настроений Октября 1917 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 69–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81

FOR CITATION

V. Zhuravlev. Problem of War and Peace in the Socio-Political Interior of October 1917. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 69–81.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-69-81